Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 245—255
Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal. 2023. N 3 (47). P. 245—255

Научная статья
УДК 94(574)
DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.16

Казахский султан перед русским судом: дело Каипгали Ишимова (1829 г.)

Роман Юлианович Почекаев
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, rpochekaev@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-0052-5136

Аннотация. Статья посвящена делу султана Внутренней Орды (Букеевского ханства) Каипгали Ишимова, который в 1829 г. предпринял попытку перекочевки на земли Младшего жуза, за что был задержан оренбургскими властями и предан суду. В рамках статьи анализируется ход разбирательства по делу султана, способы и средства сбора доказательств, позиция самого Каипгали во время следствия, а также особенности взаимодействия властей Оренбургского края и Внутренней Орды в ходе расследования. Автор приходит к выводу, что главной проблемой разбираемого дела было отсутствие четкого порядка предания суду на основе российского имперского законодательства представителей населения Казахской степи, в том числе и Внутренней Орды. Вместе с тем поведение султана Каипгали во время следствия и суда свидетельствует о наличии у него определенных знаний и опыта взаимодействия с российской пограничной администрацией, что, в свою очередь, является примером аккультурации казахского населения в пограничных регионах Российской империи даже в такой специфической сфере, как суд и процесс.

Ключевые слова: Российская империя, Внутренняя Орда (Букеевское ханство), имперское законодательство, традиционное право, суд и процесс, П. К. Эссен, Г. Ф. Генс, хан Джангир.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», https://rscf.ru/project/23-18-00268/, реализуемый на базе Тюменского государственного университета.

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Казахский султан перед русским судом: дело Каипгали Ишимова (1829 г.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 245—255. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/16_47_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.16.

Original article

Kazakh sultan before the Russian court: a case of Kaipgali Ishimov (1829)

Roman Yu. Pochekaev
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, rpochekaev@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-0052-5136

Abstract. The article is a research of a case of sultan Kaigali Ishimov of the Inner Horde (Bukey Khanate) who attempted to migrate to the Junior Jhuz in 1829, but was arrested by Orenburg authorities and prosecuted. The author analyses the investigation of Kaipgali's case, the means and methods of finding the evidence, the position of sultan himself during the trial as well as specific features of relations between the authorities of the Orenburg Region and the Inner Horde at the time of the investigation. The author finds that the problem was in the absence of clear regulation of the way to put representatives of Kazak population (including the Inner Horde) on Russian imperial trial. Besides that, the position of sultan Kaipgali during the investigation is evidence of his knowledge and experience of relations with the Russian frontier authorities. That, in its turn, is an example of acculturation of Kazakhs in the borderland regions even in such specific sphere as court and proceedings.

© Почекаев Р. Ю., 2023

Keywords: Russian Empire, Inner Horde (Bukey Khanate), imperial legislation, traditional law, court and proceedings, P. K. Essen, G. F. Gens, khan Janghir.

Acknowledgements. The research is fulfilled with the support of the grant of the Russian Scientific Foundation no. 23-18-00268, project "Justice in the system of providing safety and integration processes of peripheral regions of the Russian Empire (18th — beginning of 20th c.), https://rscf.ru/project/23-18-00268/, realized on the base of the Tyumen State University.

For citation: Pochekaev R. Yu. Kazakh sultan before the Russian court: a case of Kaipgali Ishimov (1829). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 3 (47), pp. 245—255. DOI: https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.47.16.

Введение

В течение длительного времени в Казахской степи, пребывавшей под властью Российской империи, сохранялись национальные институты власти, управления и правосудия. Лишь наиболее серьезные дела ханов, султанов и других представителей правящей элиты казахов передавались на рассмотрение российских властей, сочетавших административные и судебные полномочия. Механизм такой передачи зависел не только от правового регулирования русско-казахских отношений, степени распространения в Казахской степи российского имперского законодательства, но зачастую и от личных отношений представителей имперских властей и казахских правителей. Особую сложность составляли дела, в которых затрагивались интересы различных административно-территориальных единиц казахских и российских пограничных владений. Одно из таких дел и привлекло наше внимание в рамках данного исследования.

Речь пойдет о процессе по делу султана Каипгали Ишимова (1789—1857) — весьма знатного, влиятельного и амбициозного представителя казахской правящей элиты. Его имя не относится к числу наиболее известных казахских правителей первой половины XIX в., и исследователи, как правило, упоминают его либо в связи с движением Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова в Букеевской Орде, либо с борьбой оренбургских властей с экспансией Хивинского ханства в казахском Младшем жузе [см., напр.: 13, с. 47, 53; 16]. Из работ, непосредственно посвященных Каипгали, нам известны, пожалуй, только две: краткий биографический очерк И. В. Ерофеевой и статья Г. Б. Избасаровой [6, с. 141—143; 9; см. также: 18, p. 63].

Между тем Каипгали, несомненно, заслуживает куда более пристального внимания исследователей — хотя бы в силу своего происхождения. А вышеупомянутые события его жизни, которые в большей степени привлекают внимание исследователей, на наш взгляд, во многом были обусловлены именно тем судебным процессом, который мы намерены проанализировать ниже.

Результаты исследования

Будучи правнуком Абулхаира, хана Младшего жуза (1710—1748), первым принявшего российское подданство в 1731 г., внуком хана Ирали (1791—1794) и сыном хана Ишима (1795—1797) [6, с. 141], Каипгали, таким образом, принадлежал к той ветви казахских Чингизидов, которые пользовались наибольшим покровительством со стороны российских властей. Не случайно он в 1824 г. был приглашен на торжественный обед к оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену, а в 1826 г. присутствовал на коронации императора Николая I [9, с. 2386].

Кроме того, он имел владения во Внутренней Орде (Букеевском ханстве) — автономном казахском владении в пределах Астраханской губернии, которое представляло особый интерес для имперской администрации и, соответственно, пользовалось с их стороны поддержкой. Правители Орды обладали разного рода привилегиями, которых не было у других казахских султанов. Достаточно сказать, что ко времени анализируемых событий и в Среднем, и в Младшем жузах был ликвидирован институт ханской власти,

тогда как во Внутренней Орде продолжал править хан Джангир Букеев (1824—1845), приходившийся Каипгали троюродным братом, и вопроса о лишении его ханского титула не поднималось.

Происходя из того же рода, сам Каипгали также имел претензии на ханский титул, и ему совершенно не хотелось подчиняться троюродному брату, который, к тому же, был намного моложе его. Неудивительно, что Каипгали уже в первые годы правления Джангира вступил в скрытую конфронтацию с ханом, собирая вокруг себя всех недовольных его правлением, пророссийской ориентацией, преобразованиями с урезанием власти султанов-чингизидов и родоплеменной элиты и все увеличивавшимся налоговым бременем. Не видя перспектив для себя во Внутренней Орде, Каипгали намеревался покинуть ее со своими приверженцами и перекочевать в Младший жуз, который находился под российским контролем в гораздо меньшей степени, чем Букеевское ханство.

Однако Джангир был осведомлен о позиции своего родственника, имел в его окружении осведомителей и добился того, что в феврале 1828 г. он был арестован первый раз и предстал перед Оренбургской пограничной комиссией по обвинению в организации беспорядков во Внутренней Орде, что сам Каипгали настойчиво отрицал. Следствие длилось около восьми месяцев, после чего сам Джангир обратился к оренбургским властям с ходатайством об освобождении своего троюродного брата, чтобы взять его на поруки и «смотреть за его поведением» [11, с. 453—454, 458, 510].

О причинах такого противоречивого поведения Джангира можно только догадываться. С одной стороны, можно предположить, что он стремился замять дело, поскольку еще до ареста Каипгали он получил предписание от оренбургского военного губернатора П. К. Эссена «принять со своей стороны деятельные меры» в связи с готовящейся перекочевкой его недовольных подданных в Младший жуз, однако не преуспел в этом и был вынужден обратиться за содействием к Оренбургской пограничной комиссии. С другой стороны, вероятно, он мог считать, что Каипгали, проведший столько времени под арестом, будет благодарен ему за освобождение, и его лояльность сможет увеличить авторитет хана.

Как бы то ни было, надежды Джангира не оправдались, к тому же он вновь не исполнил принятых на себя обязанностей по надзору за Каипгали. Ходатайствуя о его освобождении, хан обещал держать его при своем дворе, однако вскоре его родич под предлогом болезни жены отпросился в собственные кочевья, на что хан дал разрешение, поручив присматривать за ним своему дяде Чуке Нуралиеву, который, по-видимому, тоже был склонен манкировать своими обязанностями.

Предоставленный самому себе, Каипгали вновь начал собирать вокруг себя недовольных и заново организовывать перекочевку их за Урал, в пределы Младшего жуза. Он использовал свое вынужденное пребывание в Оренбурге в собственных интересах, заявляя, что узнал там «важную тайну правительства» — намерение властей брать казахов Внутренней Орды в рекруты, чего никогда раньше не было. Вместе с тем он стал распространять слухи, что у него имеется договоренность (причем в письменном виде) с атаманом уральских казаков Д. М. Бородиным, что тот беспрепятственно пропустит их через земли казачьего войска, а его подчиненные будут вооружены ружьями «без пуль» и пиками «тупыми или вовсе без железок». Колеблющихся и не желавших перекочевывать Каипгали старался склонить на свою сторону путем либо убеждений, либо угроз, либо с помощью откровенного грабежа их имущества и скота.

В начале марта Каипгали, несколько султанов и старшин во главе 674 кибиток двинулись в направлении Младшего жуза. Их ожидаемо встретили казаки под командованием атамана Бородина, который вызывал к себе Каипгали с двумя старшинами на перего-

воры, постаравшись убедить его вернуться в пределы Внутренней Орды, не оказывая сопротивления. Каипгали вернулся к своим приверженцам, однако, по-видимому, что-то пошло не так, и когда он вновь прибыл к казачьему атаману на встречу, тот решил задержать его. Арест предводителя вызвал растерянность у сторонников султана, и их большинство рассеялось и вернулось на прежние места кочевок, не оказывая сопротивления — за исключением небольшой стычки нескольких десятков казахов с одним из казачьих отрядов [12, с. 227—233].

Это произошло 5 марта 1829 г., а уже на следующий день Д. М. Бородин представил рапорт начальнику штаба Оренбургского военного корпуса Г. П. Веселицкому, в котором изложил обстоятельства ареста Каипгали Ишимова [11, с. 472]. Еще через два дня, 8 марта, в Горскую крепость (неподалеку от Уральска), где содержался арестованный, прибыл сам председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс, который провел первый допрос задержанного. Собственно с этого момента мы и начинаем анализ процессуальных действий в отношении султана Каипгали Ишимова в условиях весьма неопределенной подведомственности дел казахских султанов в рассматриваемый период.

Прежде всего зададимся вопросом: почему дело казахского султана, проявившего неповиновение в отношении своего казахского же правителя — хана Джангира — и собиравшегося перекочевать из одной казахской административно-территориальной единицы в другую, рассматривалось не традиционным казахским судом, а имперской администрацией? Дело в том, что на момент возбуждения дела Каипгали Ишимова во Внутренней Орде не было ни одной судебной инстанции, которая имела бы право разбирать его. По своему статусу Каипгали Ишимов не мог быть судим казахским судом на основе обычного права — судом биев. В то же время его действия не подпадали и под юрисдикцию шариатского суда, поскольку носили публично-правовой характер. Что же касается суда самого хана, то полномочия Джангира в судебной сфере были настолько расплывчаты, что, как мы увидим ниже, именно анализируемое нами дело Каипгали Ишимова во многом стало причиной уточнения и расширения его судебных функций. Поэтому ситуация сложилась так, что разбирать это дело оставалось только российским пограничным властям.

Задачей же оренбургской администрации было установить виновность султана в преступлении, которое подпадало бы под действие российского имперского уголовного законодательства и, как следствие, позволяло бы применить к нему соответствующее наказание. Соответственно в его деяниях могли быть усмотрены такие составы, как мятеж и оказание сопротивления правительственным войскам. Первоначальный допрос Каипгали не дал оснований для выдвижения против него таких обвинений: султан сразу же заявил, что невиновен, причем напомнил, что и в прошлый раз был арестован, «но за что, мне неизвестно». По его словам, он был оклеветан султанами — родственниками хана Джангира, «которые ко мне недоброжелательствуют». Также Каипгали категорически отверг обвинения в том, что ездил по аулам, склоняя их жителей к перекочевке, — по его словам, он рассылал по кочевьям своих гонцов, чтобы сообщить жителям о необоснованности слухов о том, что его хотят лишить жизни. Что же касается обстоятельств ареста, то и их Каипгали истолковал весьма своеобразно: якобы он явился по вызову атамана Бородина из собственного кочевья для переговоров с казахами, намеревавшимися перебраться в Младший жуз, чтобы убедить их отказаться от своего намерения и даже преуспел в своем намерении. Но вот когда уже возвращался, чтобы доложить атаману о своем успехе, то был задержан его превосходительством без всякого с моей стороны сопротивления [11, с. 473—474].

Основную ставку султан, вероятнее всего, делал на то, что не найдется достаточных доказательств его вины и для опровержения высказанной им версии событий. Однако

поскольку твердой надежды на это у него не было, он решил подстраховаться и в дополнение к первым показаниям дал некоторые уточняющие. А затем… отказался подписать все протоколы допроса. Как отметил в материалах дела Г. Ф. Генс, поводов для отказа султан привел несколько: сначала сослался на то, что был болен, когда его допрашивали, потом — что не понял написанных слов, и, наконец, «тем, что некоторые слова написаны будто не в том порядке и не в том месте, где следует, но, однако, какие именно слова, о том не объяснил» [11, с. 475].

Нельзя не обратить внимания на то, насколько грамотно выстраивал свою защиту Каипгали. По всей видимости, его предыдущий арест позволил ему набраться опыта в общении с представителями оренбургской администрации, который он и реализовал во время данного следствия. На наш взгляд, этот факт позволяет сделать определенные выводы о степени аккультурации населения Внутренней Орды (или как минимум ее властной элиты) посредством постоянного поддержания контактов с имперскими региональными властями — пусть даже и не всегда по собственной воле.

Представители Оренбургской пограничной комиссии, несомненно, и сами осознавали необходимость получения доказательств вины Каипгали Ишимова, для чего провели весьма масштабное следствие, допросив не только самого султана Каипгали и задержанных вместе с ним ближайших сподвижников. В течение нескольких дней Г. Ф. Генс предписал явиться к нему ряд старшин, которых подозревали в сговоре с султаном, однако они ожидаемо отвергли обвинения, а некоторые и вовсе заявляли, что долгое время не общались с Каипгали, а о планируемой перекочевке вообще не знали [11, с. 477].

Вероятно, безуспешные результаты начала следствия стали известны и самому султану, поэтому 12 марта 1829 г. на очередном допросе он дал совершенно другие показания, чтобы еще больше запутать представителей комиссии: он заявил, что вообще никого не посылал по аулам, никаких бумаг от атамана Бородина не получал — за исключением послания, из которого лишь и узнал о намерении некоторого количества казахов перекочевать за Урал. К Бородину он был вызван одновременно со старшинами Черкесом Якшибаевым и Утарбаем Утясовым (Утешевым), но о чем тот разговаривал с ними, султан не слышал. Никаких трений ни с ханом Джангиром, ни с султанами у него не было, и жалоб на них он не имеет [11, с. 478—479].

Г. Ф. Генс, конечно же, не прекратил на этом следствие — напротив, он стал привлекать к нему все больший круг лиц, среди которых были уже не только представители казахской знати, но и рядовые казахи, и даже туленгуты (слуги-крепостные) самого Каипгали. Также дали показания и русские — торговцы, казаки и крестьяне, которые вели дела в кочевьях этого султана, где видели и слышали обсуждение перекочевок под предводительством султана. Они также подтвердили, что Каипгали распространял слухи о том, что казахов собираются забирать в рекруты, и что у него есть письменное соглашение с атаманом Бородиным о беспрепятственном проходе через земли уральского казачьего войска [11, с. 479—480, 481, 486—487, 488, 501—502]. Более того, казахские старшины на допросах также сообщали, что Бородин, преградив путь перекочевывавшим казахам, призывал их остаться временно в землях казачьего войска и подать официальное прошение о переходе в Малый жуз, «в успехе чего он, г. атаман, вполне их обнадеживает» [11, с. 490].

Последнее обстоятельство составляло серьезный повод для беспокойства оренбургских властей, поскольку даже слухи о сговоре казачьего атамана с мятежниками могли существенно подорвать авторитет имперской администрации в глазах и лояльных к России казахских правителей. Естественно, на основании этих непроверенных сообщений

сам Д. М. Бородин не оказался под следствием, но давать дополнительные объяснения тому же Г. П. Веселицкому ему пришлось снова [11, с. 483; см. также: 14, с. 237].

Противоречивость показаний свидетелей заставила Генса решиться на довольно радикальный шаг: со 100 казаками и 120 букеевскими казахами он лично явился в кочевья и начал выявлять среди местных жителей наиболее активных участников мятежа. С 26 по 30 марта им были задержаны 16 человек, которых он приказал доставить в Оренбургскую пограничную комиссию [11, с. 511; 14, с. 235]. Кроме того, и сам Каипгали 22 марта был отправлен из Горской крепости в Оренбург, причем попытался во время этой поездки совершить побег вместе со своим сподвижником султаном Рысали Джангировым, окончившийся, впрочем, неудачей, однако предоставивший Каипгали повод для дачи новых показаний.

На основе собранных показаний сотрудники Оренбургской пограничной комиссии 3 апреля 1829 г. вновь подвергли Каипгали (уже помещенному в Оренбургский тюремный замок) допросу, однако, видя, что его допрашивает уже не сам Г. Ф. Генс, а лишь его подчиненные, султан решил сам «пойти в атаку» и вместо дачи показаний по сути дела сосредоточился на событиях своего переезда из Горской крепости. При этом он в свойственной ему манере дал собственную интерпретацию вышеупомянутых обстоятельств побега. Якобы бежать собирался только Рысали, тогда как он, Каипгали, никакого сопротивления сопровождавшим их казакам не оказал, тем не менее его заподозрили в намерении совершить побег и даже прокололи пикой руку, «которая теперь уже зажила» (хотя прошло всего две недели, и сквозная рана, несомненно, не могла за это время полностью зажить, а шрам — исчезнуть!). Как показывал на допросе султан, казаки его так били, что он лишился чувств, и пока был без сознания, с него сорвали «бархатную тюбетейку вишневого цвета, вышитую золотом», забрали «бумажный носовой платок», а также… сняли шаровары, причем специально оговорил, что «шароварами от казаков не отмахивался» [11, с. 506]. Как видим, побег дал основание Каипгали взять тайм-аут в даче показаний по делу о перекочевке (возможно, в ожидании сведений о том, что же стало известно представителям оренбургской администрации), а себя самого представить полностью законопослушным подданным, павшим жертвой произвола казаков. Примечательно, что показаниями на допросе свои обвинения Каипгали не ограничил: 2 июня 1829 г. он направил письмо начальнику штаба Оренбургского военного корпуса П. А. Чуйкевичу, в котором обвинял хана Джангира и полковника Г. Ф. Генса, что они разорили его владения, ограбили его мать и других членов семейства [9, с. 2389].

Сбор и систематизация показаний участников перекочевки и других свидетелей заняли довольно много времени, в результате следующий допрос Каипгали имел место уже 31 августа 1829 г. Вероятно, за время содержания под стражей он подрастерял свой апломб и уже не заикался о жалобах на действия российских властей. Однако в отрицании своей вины оставался не менее последовательным, чем раньше. К тому же за прошедшее время у него была возможность спокойно обдумать свое положение и выстроить линию защиты. Соответственно на этот раз султан уже напрямую назвал Утарбая Утешева (который, согласно многочисленным свидетельствам, являлся его ближайшим сподвижником в рамках перекочевки) тем лицом, которое якобы привезло ему вызов от Д. М. Бородина. Каипгали вновь подчеркнул, что атаманом «сделано мне задержание неизвестно по каким причинам» и что слова Бородина о том, что он, Каипгали, якобы был среди мятежников, являются наговором. В процессе ознакомления с показаниями свидетелей Каипгали последовательно отвергал их: показания русских свидетелей он называл ложными, а по поводу некоторых свидетелей-казахов даже выказывал сомнения в их статусе — например, заявлял, что свидетель Кинзебай Байбараков вовсе не старшина,

а «киргиз» (т.е. казах-простолюдин), тогда как Байбакыл Каражигитов «назвал себя моим теленгутом… ложно». Что касается показаний султанов и старшин, обвинявших его, он вновь прибег к уже использовавшемуся им аргументу — они ему «недоброжелательствующие» [11, с. 514—518].

А 18 сентября на очередном допросе Каипгали дал весьма четкие показания, которые, однако, в очередной раз противоречили тому, что он говорил ранее. Например, он подтвердил, что народ был недоволен поборами со стороны хана Джангира, но что не он возбуждал это недовольство, а слышал от многих людей, при этом поименно перечислив несколько десятков человек от разных родов. Слова о том, что хан был им недоволен и направлял к нему своих представителей «с выговорами» — «ошибка переводившего слова мои толмача». В показаниях, которые он давал Г. Ф. Генсу 8 и 12 марта, якобы было дописано много лишнего — и про то, что его хотели убить (или что он намеревался убить кого-то из своих недоброжелателей), и про его переговоры со старшинами, и про то, что, будучи вызванным к Д. М. Бородину, он по пути видел сотни вооруженных казахов, и уж конечно про то, что он знал о намерении казахов перекочевать за Урал [11, с. 519—520].

В результате следствие оказалось в патовой ситуации: показания ряда свидетелей давали основание считать Каипгали виновным, однако им противоречили другие свидетельства, а его собственные слова достаточно убедительно отвергали обвинения в тех преступлениях, за которые его могли привлечь к русскому суду и вынести приговор на основе имперских законов. В то же время передать его вновь хану Джангиру после того, как тот не справился с надзором годом раньше, тоже не представлялось разумным. Отметим, впрочем, что правитель Внутренней Орды из всех арестованных попросил выдать на поруки только двух человек по причине их «весьма малого участия или невольного в оных [беспорядках. — *Р. П.*] участия» [11, с. 505].

Из затруднительного положения Оренбургскую администрацию вывел сам Каипгали: 10 марта 1830 г. вместе со своим зятем Кусяпгали Аблаевым при помощи Чингали Урманова, султана-правителя западной части Младшего жуза, он совершил побег из Оренбургского тюремного замка [5, с. 85; 14, с. 238—240]. Побег султана убедил администрацию в его виновности и дал основание для привлечения к суду его сподвижников, пребывавших в заключении (в том числе и вскоре пойманного султана Кусяпгали) и вынесения приговора на основании российского законодательства: ряд султанов и старшин были сосланы в Финляндию, менее знатные казахи были взяты в солдаты и направлены в архангельский гарнизон [14, с. 238]. Как представляется, этот приговор, скорее, являлся не столько основанным на доказательствах их виновности, сколько карой и предупреждением и беглому заключенному, и другим представителям казахской элиты, дерзнувшим бросить вызов российской власти во Внутренней Орде.

Между тем бегство самого Каипгали якобы «по оплошности дежурного офицера» вполне могло быть подстроено самой же оренбургской администрацией, которая таким образом решала две проблемы: снимала с себя проблему привлечения к российскому суду столь знатного и влиятельного представителя ханского рода и в то же время обеспечивала его уход из Внутренней Орды, в результате чего он уже не представлял собой оппозицию хану Джангиру.

Каипгали нашел убежище в Младшем жузе, где в том же 1830 г. несколько родоплеменных подразделений избрали его ханом. Естественно, российские власти, упразднившие в этих землях институт ханской власти в 1824 г., не могли признать этого избрания, зато хивинский хан Алла-Кули в 1836 г. направил Каипгали фирман, которым утверждал его в ханском достоинстве — но уже как своего вассала и проводника своих интересов. В течение нескольких лет Каипгали вел себя лояльно по отношению к Хиве и предприни-

мал попытки убедить русско-подданных казахов подчиниться хивинскому хану. Однако уже в начале 1840-х гг. хивинские власти стали подозревать его в двойной игре, причем, в общем-то, небезосновательно: в 1839, а затем и в 1841 г. Каипгали вел переговоры с российским дипломатом М. Аитовым (который, кстати, во время следствия выступал переводчиком [15, с. 16]) о возможности вернуться в российские владения, а затем целый ряд его детей и внуков в 1844 г. перебрался в Младший жуз из Хивы [7, с. 76—77; см. также: 6, с. 143]. Сам же Каипгали, номинально сохраняя ханский титул, фактически находился под надзором властей в Хиве, где провел последние годы своей жизни в бедности [1, с. 318; 6, с. 141, 143].

Несомненно, двойной опыт пребывания в заключении в русской тюрьме мог сделать Каипгали Ишимова противником российских властей и лояльной им казахской элиты, поэтому даже нищенское существование в Хиве он предпочел возвращению в подконтрольную Российской империи Казахскую степь, несмотря на обещания прощения, которые неоднократно давали ему русские дипломаты.

Заключение

Дальнейшая жизнь Каипгали Ишимова (которая, как уже отмечалось выше, неоднократно исследовалась специалистами) не относится к предмету настоящей статьи. Для нас гораздо более важным является то, что дело Каипгали Ишимова вскрыло проблему неопределенности в отношении подсудности и подведомственности дел казахских султанов в тех случаях, когда не было прямых оснований привлекать их к ответственности по обвинению в преступлениях, предусмотренных имперским законодательством.

Надо полагать, уже разбирательство по итогам первой попытки Каипгали совершить перекочевку в 1827 г. выявило эту проблему — не случайно уже в августе 1827 г. сенатор Ф. И. Энгель, ревизовавший Астраханскую губернию (в составе которой территориально располагалась Внутренняя Орда), отмечал, что привлечение казахов к российскому суду производит на них негативное впечатление в силу непонимания специфики его деятельности. Соответственно он предлагал в русские суды, разбиравшие дела с участием казахов, направлять «депутатов от казахского сословия», а также учредить должность чиновника — «защитника посторонних людей в суде ордынском и киргизов — в русских судах». В Букеевском же ханстве он рекомендовал создать при хане особый совет из 12 выборных султанов и старшин, тогда как указанный чиновник мог бы стать кем-то вроде прокурора при нем. Рекомендации Энгеля были приняты, ханский совет был назначен [12, с. 373], однако назначение чиновника, получившего название «попечителя» (Энгель принципиально настаивал на том, чтобы этот чиновник не назывался «приставом», что могло вызвать негативные ассоциации с приставами в Младшем жузе накануне упразднения в нем ханской власти), сильно обеспокоило казахов, увидевших в нем покушение на их внутреннюю судебную автономию. В качестве компромисса оренбургские власти предложили вместо постоянного чиновника при хане ежегодное командирование одного из представителей администрации в ставку в качестве наблюдателя [3, с. 301—303].

В июле 1829 г., т.е. в разгар следствия по делу Каипгали и его сообщников, чиновник по особым поручениям Оренбургской пограничной комиссии надворный советник А. Т. Ларионов также рекомендовал за уголовные преступления привлекать к ответственности «по строгости законов», тогда как другие дела следовало разбирать хану Внутренней Орды, для чего ему предлагалось дать больше власти, «чтобы он мог держать подвластный ему народ в должном повиновении» [12, с. 231]. Однако вопрос о разграничении подсудности продолжал оставаться открытым, поскольку судебные полномочия вновь созданного совета при хане так и не были четко регламентированы. Предоставить же более широкие судебные полномочия самому хану российские власти, вероятно, не ре-

шались из-за его тяготения к исламу [17, p. 283—289], опасаясь, что он распространит на процессуальные отношения нормы шариата, чему старались противостоять руководители имперской пограничной администрации в Казахской степи.

Только в январе 1837 г. специальным указом хану Джангиру были предоставлены судебные полномочия по всем гражданским и административным делам во Внутренней Орде, а также право снимать показания со своих подданных в рамках следствия по уголовным делам, производившегося властями Оренбургской и Астраханской губерний, либо давать им разрешение на поездки в российские суды для дачи показаний [2, с. 536]. Полагаем, дело Каипгали Ишимова могло стать одним из поводов для запуска процесса расширения судебных полномочий хана Внутренней Орды — в условиях, когда судебная власть его родичей-султанов в Среднем и Младшем жузах со временем лишь сокращалась. Таким образом, перед нами — один из весьма редких случаев, когда в результате укрепления российского влияния в Казахской степи полномочия местных правителей в судебной сфере увеличились, а не уменьшились. При этом, конечно, нельзя не принимать во внимание, что вновь приобретенные судебные полномочия правителя Внутренней Орды испытали определенное влияние российских имперских правовых и процессуальных традиций, что позволяет говорить о дальнейшей аккультурации населения Букеевского ханства [4; 8; 10, с. 221—222], включая и такую специфическую сферу правоотношений, как процессуальная.

Список источников

1. [Батыршин И.] Записка младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Батыршина о Хивинском ханстве и хане присырдарьинских казахов Ермухаммеде (Иликее) Касымове // История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. Т. 6. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII—XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. С. 300—318.

2. Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII — первая половина XIX в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.

3. Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.

4. Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151—165.

5. Генс Г. Ф. Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. / предисл., подгот. публ. И. В. Ерофеевой // История Казахстана в документах и материалах / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Алматы : LEM, 2011. Вып. 1. С. 72—95.

6. Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (средневековье и новое время). Алматы : Аркаим, 2001. 152 с.

7. Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. 1862. № 9. С. 41—92.

8. Избасарова Г. Б. Букеевское ханство и процесс аккультурации его населения // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, № 8 (82). URL: https://history.jes.su/s207987840006071-7-1. DOI: 10.18254/S207987840006071-7.

9. Избасарова Г. Б. Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. Поиск патрона: Хивинское ханство или Российская империя? (На примере судьбы султана Каипгали Ишимова) // Былые годы. 2020. Т. 58, № 4. С. 2385—2395.

10. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : ИЦ ОГАУ, 2019. 480 с.

11. История Букеевского ханства. 1801—1852 : сб. документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Инночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.

12. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 годы) / сост. Ф. Н. Киреев, В. Я. Басин, Т. Ж. Шоинбаев, К. Ж. Жунисбаев, В. С. Мусаева. Алма-Ата : Наука, 1964. 575 с.

13. Мейер Л. Киргизская степь оренбургского ведомства. СПб. : Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 87, 288 с.

14. Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость Казакского народа (1797—1838 г.). Очерки по истории национального движения Казакстана. Кзыл-Орда : Изд. Общества изучения Казакстана, 1926. 300 с.

15. Султангалиева Г. С. Каратолмач. Штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи (первая половина XIX в.) // Панорама Евразии. 2008. № 2 (2). С. 13—21.

16. Шахматов В. Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1946. 254 с.

17. Frank A. J. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780—1910. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2001. 341 p.

18. Olcott M. B. The Kazakhs. 2nd ed. Stanford : Hoover Institution Press, 1995. 388 p.

References

1. [Batyrshin I.] Zapiska mladshego perevodchika Orenburgskoi pogranichnoi komissii Iskandera Batyrshina o Khivinskom khanstve i khane prisyrdar'inskikh kazakhov Ermukhammede (Ilikee) Kasymove [Note by Iskander Batyrshin, a junior translator of the Orenburg Border Commission, about the Khanate of Khiva and the Khan of the Syrdarya Kazakhs Yermukhammed (Ilikey) Kasymov]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI—XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian sources of the 16—20th centuries]. Almaty, Daik-Press Publ., 2007, vol. 6. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdkakh po yuzhnym stepyam. XVIII—XIX veka. Comp. I. V. Erofeeva, B. T. Zhanaev, pp. 300—318. (In Russian)

2. Vasil'ev D. V. *Rozhdenie imperii. Yugo-Vostok Rossii: XVIII — pervaya polovina XIX v.* [Birth of an empire. South-East of Russia: XVIII — first half of the XIX century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2020. 608 p. (In Russian)

3. Vasil'ev D. V. *Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII — pervaya polovina XIX veka* [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII — first half of the XIX century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 471 p. (In Russian)

4. Vasil'ev D. V., Lyubichankovskii S. V. Kazakhi i russkie: bytovaya akkul'turatsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: household acculturation in the 19th century]. *Voprosy istorii*, 2018, no. 3, pp. 151—165. (In Russian)

5. Gens G. F. Iz kratkogo istoricheskogo obozreniya upravleniya orenburgskimi kirgizami. 1844 g. [From a brief historical review of the management of the Orenburg Kirghiz. 1844]. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh* [History of Kazakhstan in documents and materials]. Almaty, LEM Publ., 2011, is. 1, pp. 72—95. (In Russian)

6. Erofeeva I. V. *Simvoly kazakhskoi gosudarstvennosti (srednevekov'e i novoe vremya)* [Symbols of Kazakh statehood (Middle Ages and modern times)]. Almaty, Arkaim Publ., 2001. 152 p. (In Russian)

7. Zalesov N. Posol'stvo v Khivu kapitana Nikiforova v 1841 g. [Embassy to Khiva of Captain Nikiforov in 1841]. *Voennyi sbornik*, 1862, no. 9, pp. 41—92. (In Russian)

8. Izbasarova G. B. Bukeevskoe khanstvo i protsess akkul'turatsii ego naseleniya [Bukeyev Khanate and the Process of Its Population's Acculturation]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya" — Istoriya*, 2019, vol. 10, no. 8 (82). Available: https://history.jes.su/s207987840006071-7-1. DOI: 10.18254/S207987840006071-7. (In Russian)

9. Izbasarova G. B. Legitimatsiya vlasti v Kazakhskoi stepi v XIX veke. Poisk patrona: Khivinskoe khanstvo ili Rossiiskaya imperiya? (Na primere sud'by sultana Kaipgali Ishimova) [Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov)]. *Bylye gody*, 2020, vol. 58, no. 4, pp. 2385—2395. (In Russian)

10. *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii)* [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (by the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)]. Orenburg, ITs OGAU Publ., 2019. 480 p. (In Russian)

11. *Istoriya Bukeevskogo khanstva. 1801—1852: sb. dokumentov i materialov* [History of the Bukeev Khanate. 1801—1852. Collect. of documents and materials]. Almaty, Daik-Press Publ., 2002. 1120 p. (In Russian)

12. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII—XIX vekakh (1771—1867 gody)* [Kazakh-Russian relations in the XVIII—XIX centuries (1771—1867)]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1964. 575 p. (In Russian)

13. Meier L. *Kirgizskaya step' orenburgskogo vedomstva* [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. St. Petersburg, Tip. E. Veimara i F. Persona Publ., 1865. 87, 288 p. (In Russian)

14. Ryazanov A. F. *Sorok let bor'by za natsional'nuyu nezavisimost' Kazakskogo naroda (1797—1838 g.). Ocherki po istorii natsional'nogo dvizheniya Kazakstana* [Forty years of struggle for the national independence of the Cossack people (1797—1838). Essays on the history of the national movement of Kazakhstan]. Kzyl-Orda, Izd. Obshchestva izucheniya Kazakstana Publ., 1926. 300 p. (In Russian)

15. Sultangalieva G. S. Karatolmach. Shtabs-kapitan Mukhammed-Sharif Aitov v Kazakhskoi stepi (pervaya polovina XIX v.) [Staff captain Mohammed-Sharif Aitov in the Kazakh steppe (first half of the 19th century)]. *Panorama Evrazii*, 2008, no. 2 (2), pp. 13—21. (In Russian)

16. Shakhmatov V. F. *Vnutrennyaya Orda i vosstanie Isataya Taimanova* [The Inner Horde and the uprising of Isatai Taimanov]. Alma-Ata, AN KazSSR Publ., 1946. 254 p. (In Russian)

17. Frank A. J. *Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780—1910*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2001. 341 p.

18. Olcott M. B. *The Kazakhs.* 2nd ed. Stanford, Hoover Institution Press, 1995. 388 p.

Информация об авторе

Р. Ю. Почекаев — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

R. Yu. Pochekaev — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 03.06.2023; принята к публикации 20.08.2023

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 03.06.2023; accepted for publication 20.08.2023